Марина Рогачевская,
МГЛУ, Минск

ВОЕННЫЕ РЕАЛИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ: РОМАНЫ П. БАРКЕР И С. АЛЕКСИЕВИЧ

Самыми значительными событиями истории XX в. литературные критики двух последних десятилетий считают две мировые войны. Война 1914–1918 гг. стала «точкой возврата» в культурологическом и дискурсивном смысле для писателей Великобритании, а Вторая мировая – для белорусских авторов. При этом можно уверенно констатировать, что все иные военные события XX в. стали своеобразной дискурсивной канвой, в которой прочно переплетены тема войны и воплощающие ее реалии.

Выбор для данного исследования отдельных романов современной британской писательницы Пэт Баркер (род. 1943) и Нобелевского лауреата 2015 г., представившего белорусскую литературу, Светланы Алексиевич (род. 1948) – вовсе не дань модным веяниям современной литературной критики. Основа для художественного их сопоставления – это обращение к событию масштабного травматического свойства (Великая война для Британии и Вторая мировая и Афганистан для Беларуси), особый женский взгляд на войну в обход идеологии, ура-патриотизма, а вместо этого – внимание к отдельно взятому «маленькому» человеку, его страданиям, прием «телесного психологизма», а на уровне поэтики текста – полифония, документализм, фрагментарность, библейский интертекст.

В основу предлагаемого исследования положен концепт «реалии», что может быть чрезвычайно актуально в контексте межкультурного обмена достижениями художественной мысли. Под термином «реалия» в переводоведении принято понимать слова и выражения, обозначающие предметы или явления, связанные с историей, культурой, экономикой, бытом и т.д. страны, на языке которой создано произведение. В переводящем языке такие слова и фразы чаще всего не имеют полных эквивалентов¹. Существует целый ряд классификаций реалий, и военные реалии, как правило, включены в область общественно-политической жизни. Общепринято под военными реалиями понимать названия военных подразделений, видов оружия, обмундирования, а также ранги военнослужащих и командования. В эту группу можно добавить военный сленг, медицинскую и психологическую терминологию, связанную исключительно с военными действиями, названия военных операций, кодовые названия сражений и мемориальных комплексов.

---

¹ Многие авторы теории перевода (напр., Л. Соболев, С. Влахов, С. Флорин) выражают мнение, что реалия, как правило, непереводаема (в словарном порядке), но может быть передана контекстуально не путем перевода, а замены, комментария, пояснения, описания и т.д.

Художественная литература на военную тематику достаточно полноценно отражает эти реалии. Актуальность их адекватной передачи на современном этапе усложняется. И причин этому несколько. Во-первых, в связи с возросшим интересом современных писателей Великобритании к событиям Первой мировой войны, созданием полудокументальных и мемуарных романов (П. Баркер, С. Фолкс, С. Барри, С. Хилл, Т. О'Брайен, Т. Бреслин, Л. Янг, М. Брэгг²), драматизацией психологических и психосоматических явлений (например, военная травма), современному читателю явлены новые и ранее не обсуждаемые реалии. И во-вторых, наблюдая сходное культурное явление в нашей литературе, а именно документальные романы (повести) о войне С. Алексиевич, невольно приходишь к заключению о том, что при исторических, временных, общественно-политических различиях между Первой мировой, Второй мировой и Афганской войнами, «лицо» войны остается неизменно уродливым. Как сказала С. Алексиевич устами своих героев из «Цинковых мальчиков»: «Война не делает человека лучше. Только хуже. Это однозначно» [1].

Поиск лингвокультурных эквивалентов и других приемов передачи реалий войны в переводческом процессе – это не только узкая профессиональная задача художественного перевода, но и глобальная, общечеловеческая, культурно-коммуникативная, культурно-образовательная и положительно-идеологическая анти-пропагандистская миссия.

Сходства между названными выше войнами – Первой мировой для Великобритании и Афганской для Беларуси – в истории наших двух народов следующие: обе войны велись не в защиту родной земли от захватчика, обе идеологически ориентировали воинов на «международный» / «интернациональный» долг, обе отозвались огромной болью в сердцах людей, усугубляя эту боль абсолютной бессмысленностью потерь, тяжелыми психологическими травмами, которые военное руководство начала XX в. в Великобритании и конца XX в. в СССР отказывалось признавать. Кроме того, эти войны схожи неосвоенными условиями их ведения: для британских солдат – статичное нахождение в траншеях и новое химическое оружие, для советских, в т.ч. белорусских солдат – полная отсталость в вооружении, амуниции, поддержке армии, кардинально иные климатические и культурные условия войны в Афганистане³. В обоих случаях – почти одинаковая риторика военной пропаганды и почти одинаковый поиск духовного успокоения в религиозно-мистических ритуалах (например, спиритические

---

² Barker, P. *Regeneration* (1991), *The Eye in the Door* (1993), *Ghost Road* (1995), *Another World* (1998); *Toby's Room* (2012); *Faulks, S. Birdsong* (1993); *Barry, S. A Long, Long Way* (2005); *Hill, S. Strange Meeting* (1971); *O'Brien, T. The Things They Carried* (1990); *Breslin, Th. Remembrance* (2002); *Young, L. My Dear, I Wanted to Tell You* (2011); *Bragg, M. The Soldier's Return* (1999).

³ Первой в Афганистан брошена 103-я Витебская дивизия. В Афганистан не посылали солдат из азиатских республик СССР.

сеансы в Британии и вызов духов погибших солдат в постсоветской растерянной, неприкаянной и еще недавно атеистической среде). Об этих реалиях рассказывают обе писательницы: и П. Баркер в трилогии «Возрождение» и С. Алексиевич в трех романах о войне – «У войны не женское лицо» (1985), «Цинковые мальчики» (1989) и «Очарованные смертью» (1993). Кроме того, документальный роман С. Алексиевич «У войны не женское лицо» о Второй мировой в воспоминаниях женщин-участниц военных событий во многом сближает писательницу с прозой ее британской коллеги: обе обращаются к изображению войны с точки зрения женщины и действительно представляют реалии «женского рода». *«Нет того, о чем мы привыкли читать и слышать: как одни люди героически убивали других и победили... У “женской” войны... [нет] и невероятных подвигов, там есть просто люди, которые заняты нечеловеческим человеческим делом»* [2]. И эта оценка в равной степени применима как к романам самой С. Алексиевич, так и к романам П. Баркер.

Я остановлюсь на отдельных группах реалий в военных романах этих писательниц, которые могут стать важнейшим шагом в осознании того, что отношение к войне рождается в нашем сознании, а политика и идеология – это макромодель человеческой психики. Такой группой реалий можно считать травму, а точнее, лексику, относящуюся к клиническим и психосоматическим явлениям, ставшим возможными только в условиях войны. Эти реалии Первой мировой, изображенные в романах П. Баркер, позволяют увидеть явления, организации и процедуры, которые не нашли себе эквивалентов в советской действительности даже в Афганскую войну, не говоря о Второй мировой и уж тем более о Первой.

Особый интерес представляет военная психиатрия – отрасль клинической психологии, распространенная в Европе с начала XX в. и зачинавшаяся в Российской империи, но начисто искорененная после революции 1917 г. Как пишет российский федеральный журнал «Комплексная национальная безопасность», «...в революционный и послереволюционный периоды военная психиатрия была фактически изгнана из Красной армии, в которой по идеологическим соображениям не могло быть людей с психическими расстройствами и отклонениями. На этом основании нередко контуженных или поддавшихся во время боя панике красноармейцев, не разбираясь в причинах, расстреливали перед строем» [3]. Журнал далее пишет о новом толчке развития военной психиатрии как отдельной отрасли науки, причиной которого послужила прежде всего «Великая Отечественная война, когда значительно выросло число военнослужащих, получивших психологическую травму... Для них стали создаваться специализированные отделения в прифронтовых госпиталях, что было новшеством в мировой практике. Надо сказать, опыт русских получил признание и распространение на Западе» [3]. Это последнее предложение –

абсолютная ложь, и доказательство тому – гораздо более раннее развитие военной психиатрии в Британии (на основании научных изысканий Э. Джонса и С. Уэсли в книге «От контузии до ПТСР: Военная психиатрия от 1900 до войны в Заливе»⁴): «По общему мнению, военная психиатрия в Соединенном Королевстве начиналась во время Первой мировой войны» [7, р. 1].

Первая сложность в определении этого типа реалии состоит в эвфемизме, присутствующем в терминологии: *shell shock* – нервный шок в результате контузии, что не соответствует фактическим симптомам. Их тщательно и художественно достоверно описывает П. Баркер. Так, один из героев трилогии, Моффет, страдающий нервным параличом, предпочитает называть свое состояние *shell shock*. Психотерапевт Риверс же (реальный прототип и герой романа одновременно) вполне объективно считает его формой истерии. Однако последнее идет вразрез с концепцией абсолютного мужества, ведь еще со времен Викторианства истерия – сугубо женское нервное расстройство. Офицеры Крэглокхартского госпиталя для лечения психических расстройств у военнослужащих (отметим полное отсутствие такой реалии в это время в СССР) не желают быть в ряду тех, кого называют *shirkers*, *scrimshankers*, *washouts* и подобными сленговыми кличками (в переводе – *бездельники*, *сачки* и т.д.). Именно поэтому термин *war neurosis* (военный невроз) начинает фиксироваться в медицинской психологической литературе только после 1918 г. благодаря исследованиям У. Г. Риверса, У. Байона и др. Трансформация психики участников военных событий была в такой степени масштабной (у 98% вернувшихся из «траншейной войны» проявлялись симптомы военного невроза), что вызвала развитие новых направлений в психиатрии, пошатнув ставшие почти аксиомами психоаналитические трактовки невроза как коренящегося в подавленной детской сексуальности. Таковым долгое время оставалось убеждение Фрейда, который определял военную травму как «паразитический двойник эго мирного времени» [5, р. 85]. «Во время Гражданской войны в США это обозначалось как *nostalgia or soldier's heart* (*ностальгия* или *солдатская душа*), акцентируя мысль о том, что нервный срыв случался по причине тоски по дому. В Первую мировую термин “shell-shock” указывал на то, что этиологический фактор исходил из неврологического ущерба посредством избыточной подверженности обстрелу и бомбардировкам. После Великой войны растущее влияние психоанализа на психиатрию сместило акцент на бессознательные конфликты как факторы, увеличивающие уязвимость индивида, что выразилось в понятии “военный невроз”» [8, р. 941]. В дальнейшем, во Вторую мировую войну, появляются термины *combat*

---

⁴ Jones, E., Wessely, S. From Shell Shock to PTSD: Military Psychiatry from 1900 to the Gulf War / E. Jones, S. Wessely. – N.Y. : Psychology Press, 2005. – 320 p.

exhaustion / combat fatigue (истощение в результате боя), *combat stress reaction* (стресс на фоне боевых действий); Вьетнам дал основания для появления термина *post-traumatic stress reaction/disorder* (посттравматическая стрессовая реакция/расстройство).

Но прежде чем эти научные дефиниции стали в большей или в меньшей степени достоянием массового сознания, писатели фактически взяли на себя трудную роль художественного воплощения военного опыта через призму отдельно взятой психологии. П. Баркер таким образом дает толчок развитию нового психологизма, исследуя массовую психологическую травму, не имевшую ранее прецедентов в истории. Так, массовые, документально зафиксированные случаи ужасающих психосоматических состояний индивидуализируются, «оживают» посредством характеров с их именами, поведением, сознанием: Прайор теряет способность говорить (реалия мутизма) после того, как в результате бомбежки глаз его разорванного на куски товарища оказывается в его руках; Бернса преследует запах гниющей плоти немецкого солдата, в труп которого его бросило взрывной волной; других преследуют звуки, видения и ночные кошмары. Писательница вводит в повествование такие реалии, как *erosion* (один из героев объясняет это как «*Weeks and months of stress in a situation where you can't get away from it*» – «недели, месяцы в состоянии стресса, из которого невозможно выйти») [4, р. 103] и *man's breakdown* (мужской нервной срыв, что само по себе звучит нелепо, однако определяется справочниками по военной психиатрии как «особое состояние нервного срыва в военных условиях»), понять которые возможно лишь в контексте знакомства с условиями Первой мировой. Отсюда – целый ряд медицинских шарад для читателя, у которого автор ликвидирует своеобразную «безграмотность»: *paralytic stammer* (паралитическое заикание), *hysterical paralysis* (истерический паралич), *hypnagogic hallucination* (галлюцинация дремотного/полусонного состояния), *dipsomania* (запойный алкоголизм), *gas happy* (вид самоувечья с целью избежать дальнейшего участия в войне посредством сознательного получения газового отравления при применении отравляющих веществ) и т.д. Читателю становится также необходимым знакомство с понятиями и терминологией психоанализа: *диссоциативность*, *подавление*, *свободные ассоциации* и др.

При этом также своеобразным откровением звучат такие реалии, как должность *stretch bearer* (санитар-носильщик, выполняющий ту же функцию, что и полевая сестра в Советской армии) и подразделение *Voluntary Aid Detachment (VAD)* (Добровольческий медицинский отряд). При всей пропагандистской машине, лепящей пушечное мясо из сыновей нации, налицо значительное гуманистическое отношение к человеку как носителю души и индивидуального сознания.

Словно эхом вторят этим реалиям невыдуманные героини романа С. Алексиевич: *«Тогда не было у нас этих психотерапевтов. Психоаналитиков. Прибежишь к соседке... К маме...»* [2]. В предисловии к английскому переводу романа «Цинковые мальчики» («Zinky Boys», 1992, trsnl. by Julia and Robin Whitby) Ларри Ханеман пишет: «Вплоть до 1998 года советские психологи никогда не слышали о ПТСР, и узнали об этом синдроме только во время визита американских психологов, специалистов в области послевоенной травмы. До этого поведенческие нарушения лечились с помощью лекарств – так советская психиатрия всегда лечила психические расстройства» [6, р. хііі]. С. Алексиевич не могла не отметить теперь уже «негуманистическое» отношение к человеку, и обрывки этой идеи встречаются из романа в роман. Так в «Цинковых мальчиках» один из героев говорит: *«Было много сумасшедших. Вначале они лежали в общих палатах, потом поместили их отдельно»* [1]. И конечно же, место профессионального психологического дискурса занимает пласт из области невысказанного или подавленного, запрещенного советской пропагандой, вынесенного в область языкового «камуфляжа», перифраза. Травма называется словом «сумасшедшие» – такова чудовищная редукция сознания солдата, вернувшегося с войны, и не вернувшегося, покончившего с собой. Типы травматических состояний писательница сводит к трем: «онемела», «алкоголизм», «заикание». В результате на протяжении всех диалогов и монологов участников военных действий, записанных С. Алексиевич, вырисовывается «онемение» иного порядка, выливающееся в травматический «нечеловеческий» дискурс. Фраза-эвфемизм «погиб, выполняя интернациональный долг», вместо «убит в бою» сама по себе превратилась в механизм подавления психики. В результате, как пишет Л. Хейнеман о своем первом опыте встречи с ветеранами Афганистана, они повторяли американским психологам много-много раз: *«...наконец, наконец они могли говорить с теми, кто их понимает»*. Автор далее пишет: *«Я не мог не удивляться: неужели они не разговаривали со своими отцами?»* [6, р. viii-ix].

Особый пласт реалий в романах С. Алексиевич – это наименования женского рода тех должностей и занятий, которые не свойственны, противоестественны для женщин: *«В Советской армии воевало около миллиона женщин. Они овладели всеми военными специальностями, в том числе и самыми "мужскими". Даже возникла языковая проблема: у слов "танкист", "пехотинец", "автоматчик" до того времени не существовало женского рода, потому что эту работу еще никогда не делала женщина. Женские слова родились там, на войне...»* [2], а также «летчица», «пулеметчица», «десантница», а также «бабий полк», «боевая подруга», «девчонки/девчата/девки».

Читая П. Баркер, мы познаем методы и способы военной психиатрии в Британии, читая С. Алексиевич, мы с тоской осознаем их тотальное отсутствие в СССР. Но обе писательницы в той же полифонической форме «многоголосицы» неизменно доносят до читателей силу, чудовищность страдания и преступность войны. Художественное использование слов-реалий – элемент культурного взаимообогащения и просвещения.

Литература

1. Алексиевич, С. У войны не женское лицо / С. Алексиевич // [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа: <http://lib.ru/NEWPROZA/ALEKSIEWICH/zhensk.txt>. – Дата доступа: 30.03.2015.
2. Алексиевич, С. Цинковые мальчики / С. Алексиевич // Библиотека Максима Мошкова [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа: http://lib.ru/NEWPROZA/ALEKSIEWICH/aleksiewich.txt_Ascii.txt. – Дата доступа: 30.03.2015.
3. Комплексная национальная безопасность [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <http://dknb.ru/448>. – Дата доступа: 20.10.2015.
4. Barker, P. Regeneration / P. Barker. – New York : Plume, 1993. – 252 p.
5. Freud, S. Psychoanalysis and War Neuroses. Four Prefaces. (A) / S. Freud // The Life and Work of Sigmund Freud. Volume 5 / Ed. James Strachey. – New York : Basic Books, 1959. – P. 83–87.
6. Heinemann, L. Introduction / L. Heinemann // Alexievich, S. Zinky Boys: Soviet voices from a forgotten war / transl. J. and R. Whitby. – N.Y. : W.W. Norton & Company, 1992. – 222 p.
7. Jones, E., Wessely, S. From Shell Shock to PTSD: Military Psychiatry from 1900 to the Gulf War / E. Jones, S. Wessely. – N.Y. : Psychology Press, 2005. – 320 p.
8. Szykierski, D. The Traumatic Roots of Containment : The Evolution of Bion's Metapsychology / D. Szykierski // The Psychoanalytic Quarterly. – XXIX: 4, 2010. – P. 935–968.